Шарики раздора. Как общество реагирует на скандал с гомеопатией.

Оригинал статьи

Мир, расчерченный на сегменты по принципу двоичной системы: «истинно — ложно», становится скучным.

В информационном поле возникло редкое явление — активная общественная полемика по вопросу, не связанному с политикой. Событием-провокатором для запуска дискуссии стал меморандум Комиссии по борьбе с лженаукой при Академии наук: в качестве очередной жертвы члены комиссии избрали гомеопатию. Помимо обвинений в «лженаучности», меморандум содержал и ряд рыночных рекомендаций, например, предложил вывести гомеопатические средства из неспециализированных аптек, а методику — из медицинских госучреждений.

По ряду признаков стилистика этой атаки напоминает PR-кампанию: внезапное появление документа, узкий круг подписантов (из 59 членов комиссии свои имена поставили лишь семь ее участников, остальные подписи принадлежат внешним экспертам), резкая тональность материалов, множество моментально появившихся комментаторов и самое главное — отсутствие какого-либо предварительного обсуждения с включением всех сторон.

Заключение комиссии вызвало волну медийных и сетевых реакций. В прицеле членов комиссии РАН образ гомеопата стал напоминать средневекового еретика. Удар пришелся не только по отрасли, но по довольно широкому сообществу, в котором на манер грибницы переплетены врачи, медицинские центры, пациенты и адепты разных уровней. Этот слой имеет расплывчатые очертания, плохо структурирован, но тем не менее в нем сложилась своя цельность: система распознаваний, традиция,

авторитеты, общие элементы картины мира. Сторонникам гомеопатии, к примеру, часто свойственен ряд общих убеждений в других сферах медицины, например, скепсис в отношении прививок, негативное отношение к антибиотикам.

С XIX века к гомеопатии активно приобщались элиты: склонная к мистицизму аристократия, царская семья, целый ряд сановников и церковных иерархов, например Иоанн Кронштадтский, Игнатий Брянчанинов. Эта традиция была поддержана и после революции. Советская власть сохранила гомеопатию как некую разновидность допустимой экзотики; к гомеопатам обращались даже члены ЦК. В постсоветское время это направление, вопреки ряду убеждений, стало модным среди хорошо обеспеченных жителей крупных городов. Социолог ВШЭ, к. с. н. Радик Садыков так описывает условного гомеопатического пациента: образованный, довольно состоятельный и мобильный человек. Для него важен персональный подход, отсутствие медицинского конвейера. Это выделяемый социологией тип «компетентного пациента», который хочет избежать диктата медицинских установок и видеть альтернативные решения.

Впрочем, Садыков не соглашается полностью с моей версией, что гомеопатическая среда сложилась в отдельную субкультуру. По его словам, врач-гомеопат редко противопоставляет себя конвенциональной медицине. Как правило, российские гомеопаты имеют классическое медицинское образование и понимают границы своего предмета. По его мнению, речь идет не о формировании замкнутой группы, а, скорее, о принципе сочетаемости нескольких практик в опыте одного пациента.

> *Видеть в каждом явлении скрытые причины, двойное и тройное дно — это сложившийся тренд. Появился он не от избытка фантазии, а вследствие общей непрозрачности жизни*

Но при этом какой-то устойчивой линии обороны и, тем более, контрнаступления в момент агрессии со стороны РАН гомеопатическая среда создать не смогла. У сообщества

не нашлось ни сильных публичных лидеров, ни лоббистов, ни центров консолидации. Организационные и коммуникационные инструменты оказались на уровне прошлого века. Несколько компаний («Буарон», «Биологише Хайльмиттель Хеель», «Бионорика», «Биттнер», «Материа Медика»), которые производят гомеопатические препараты в индустриальном масштабе и торгуют ими на территории России, также притаились и не высказали своей позиции. Впрочем, и сами классические гомеопаты всегда достаточно резко отмежевывались от крупных производителей. По их мнению, суть гомеопатии в корне противоречит массовому рынку, поэтому препараты типа оциллококцинума только извращают суть их предмета.

Вполне естественно, что в пассивной среде причины конфликта стали объясняться через теорию заговора: атака организована большими фармацевтическими компаниями, обеспокоенными потерей доли рынка. Косвенно этот аргумент звучит даже у критиков. «Гомеопатия — это психотерапия, которая забирает на себя 15% доходов фармацевтов», — говорит академик РАН Евгений Александров, возглавляющий Комиссию по борьбе с лженаукой. Дополнительной версией стала более утилитарная, но маловероятная идея: скандал был спровоцирован затем, чтобы отвести внимание от претензий к вице-мэру Москвы Леонида Печатникову по поводу нерыночных закупок препаратов против рака. Садыков приводит еще один аргумент: медицинское сообщество стало ощущать потерю контроля над заметной частью пациентов и постаралось притормозить этот процесс.

Ни подтвердить, ни опровергнуть эти доводы сейчас невозможно. Российское экспертное сознание вообще редко предлагает простые линейные решения. Видеть в каждом явлении скрытые причины, двойное и тройное дно — это сложившийся тренд. Появился он не от избытка фантазии, а вследствие общей непрозрачности жизни. Общество на каждом шагу встречается с событиями, подлинные цели которых отличаются от декларируемых. Поэтому фраза: «Здесь все непросто», — становится базовой установкой российского человека.

Притом что сами гомеопаты оказались не готовы к информационному противостоянию, эту функцию стихийно выполнило сетевое сообщество, скорее не из любви к малознакомой области, а из стихийного сопротивления внешнему давлению. Характерна в этом смысле позиция блогера Антона Носика. По его выражению, сама гомеопатия — … (нецензурно). Но еще более неприемлемым кажется вторжение в частный выбор, подмена понятий и, самое главное, навязывание российской медицины в ее современном состоянии. «Вся история про здоровье/нездоровье, про лечение/излечение — это не про анализы, биопсию и данные вскрытия. Это, извините, ребята, история про самочувствие. Пациент приходит к врачу не со съехавшей формулой крови и не со стеклышками гистологии. Он приходит со своим страданием. Задача врача — это страдание облегчить, любой ценой», — пишет Носик. По его мнению, нынешняя медицина лишена этой установки. Ее берут на себя другие практики.

Таким образом, ключевой линией раскола стала следующая оппозиция: гомеопатия ненаучна и поэтому не может помочь пациенту — гомеопатия помогает конкретным людям, мы наблюдаем эффект, поэтому идите к черту со своей научностью. Дайте человеку пространство, где он сам может реализовывать свой выбор, без директив и сужения возможностей. Пространство, где человек может опереться на свой простой повседневный опыт, сравнить врача из районной поликлиники с врачом-гомеопатом и принять решение.

Чтобы показать линии раскола между позициями, можно взвесить и сопоставить содержательные аргументы сторон. Из этого сопоставления видно, что разговор часто идет просто в разных логических плоскостях.

— Гомеопатия — лженаука, потому что под ней нет типичной научной базы и она не подтверждается типовыми экспериментами.
— Гомеопатия никогда не считала себя наукой, поэтому не может быть и лженаукой. Это форма практики, наблюдения за человеком и его реакциями на микродозы веществ.

— При ничтожных дозировках препаратов вещество практически теряется. «Растворите одну таблетку аспирина в океане, и вы поймете суть гомеопатии».
— Можно не знать механизмов работы, но получать эффекты. Человечество много раз сталкивалось с неизвестным, не могло его объяснить, но включало его в свою практику.

— Гомеопатические приемы не проходят через «слепые» тестирования в контрольных группах, опыт их применения не является универсальным.
— «Этого и не должно быть, — объясняет здесь известный врач-гомеопат Оксана Болотова. — Гомеопатия подбирается на индивидуальном уровне, является строго персонализированным лечением. Поэтому здесь нет рецептурных универсальных решений». (Хотя персонализация является и одним из ключевых трендов современной медицины).

— Гомеопатия опасна тем, что она подменяет классические, уже проверенные способы лечения. В итоге люди не получают своевременную помощь.
— Нет, гомеопатия не стремится к подмене и противопоставлению; она дополняет и лишь в случае успеха замещает традиционные методы.

— В реальности действует не гомеопатия, а самовнушение, «эффект плацебо».
— «Исследования проводились в том числе на новорожденных и на животных, которые ничего себе внушить не могут; и эти исследования дали позитивный результат», — отвечает здесь Болотова.

Любой аргумент цепляется за контраргумент, вызывает встречный упрек и т.д. «Эффект плацебо» — хороший пример подмены малопонятного явления еще более непонятным. Наука не может объяснить, как мысли или чувства могут воздействовать на физику тела. Про это наука знает еще меньше, чем про эффекты микродоз. Человек внушает себе: «это лекарство действует», — и ему действительно становится лучше. Такое

возможно. Но что связывает мысль о здоровье с реальным выздоровлением? Как это происходит? Как вообще рождаются мысли и куда они уходят; что общего между ними и электрическими разрядами в мозгу? Нет никаких реальных объяснений. Как говорил философ А. Ф. Лосев, рационально победить миф невозможно; его можно только вытеснить другим мифом.

Человек окружен бездной неизвестного. Он не знает, как работает его сознание, лишь смутно догадывается о фундаментальном устройстве Вселенной, плохо понимает биологию своего тела. Медицина уже несколько раз меняла свои основания и находится в транзитном состоянии сегодня. «Современная наука» — это понятие момента: она не была современной вчера и не будет завтра. Как заметил мне руководитель биотехнологической компании «Митотех» Максим Скулачев, 200 лет назад, на заре своего создания, гомеопатия сыграла значительную роль уже тем, что заменила средства классической медицины, которая лечила людей с помощью ртути и мышьяка. Сам факт отказа от классических рецептов оказал тогда позитивный эффект. Как пишет о своей героине Лев Толстой, несмотря на все усилия врачей, Наташа в конце концов пошла на поправку.

Есть мощные культурные традиции, которые практикуют лечение людей на совершенно других принципах. Например, китайская медицина с историей в 5000 лет. В ее основе — циркуляция внутренних энергий по «меридианам» организма. Энергия может течь свободно, а может — закупориваться, менять ход. «Энергии», «меридианы», «баланс инь и янь» — все это за контуром западной медицины. По-видимому, следующий вердикт комиссии РАН должен коснуться китайских практик.

«Лечит или не лечит гомеопатия? А лечит или не лечит молитва?» — риторически спрашивает меня руководитель компании «Новамедика» Леонид Меламед. Понятно, что не всех, не всегда, без гарантии. Но многим помогает. Это никак не отрицает помощи иных средств, от медикаментов до правильной диеты. Мир, расчерченный на сегменты по принципу двоичной

системы «истинно – ложно», становится скучным, бедным. Такая реальность «царапает» своими острыми и холодными формами, в ней человеку неуютно. Мир хорош во всем богатстве своих практик, их сложных сочетаний; когда границы между ними рождают не искры напряжения, а тонкие рисунки взаимных дополнений.

«Дьявол начинается с пены на губах ангела, вступившего в бой за святое правое дело. Все превращается в прах – и люди, и системы. Но вечен дух ненависти в борьбе за правое дело. И благодаря ему зло на Земле не имеет конца. С тех пор, как я это понял, считаю, что стиль полемики важнее предмета полемики». (*Григорий Померанц*)